

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

З. П. Соколова

НАХОДКИ В ШИШИНГАХ

(КУЛЬТ ЛЯГУШКИ И УГОРСКАЯ ПРОБЛЕМА)

Летний экспедиционный сезон 1973 г., как и предыдущий, я провела среди куноватских хантов. На Куноват и Сыню, притоки Нижней Оби, я езжу не первый год. Меня привлекает сюда своеобразная группа северных хантов. Их современная культура сохраняет немало пережитков прошлого, нередко очень отдаленного. Особенно интересны некоторые их обряды и связанные с этими обрядами представления.

Наш отряд начинает свою работу в старом сел. Шишинги на Оби, недалеко от устья Куновата. Из Лопхарей, центра Куноватского сельсовета, туда можно добраться по Оби или протоке. Мы избираем второй путь — он короче и спокойнее, а на Оби нередко высокие волны. Узкая протока, со всех сторон окаймленная лесом, причудливо изгибается. Коегде она расширяется и превращается в *сор* — низкую заливаемую водой пойму. На одном из берегов протоки, довольно высоком, на мысу темнеет кедровая роща. Километра через два протока поворачивает направо, к Оби, а на берегу вырастают строения Летних Шишингов. Зимние Шишинги с воды не видны, они скрыты лесом. От летнего селения по тропинке, скрытой в густой и высокой траве, попадаем на берег маленького лесного озера. В неподвижной воде, как в зеркале, отражается противоположный берег, заросший осокой. Вокруг прелестного озерка на небольших холмах речной террасы раскинулось маленькое селение. Дома — их всего восемь — с амбарами разбросаны среди деревьев по берегу озера. Селение со всех сторон окружает вода — Обь, бесчисленные сора и протоки. Тихо, ярко сияет солнце, синее вода в озере, голубизна сора на горизонте сливается с синевой неба. Поселок пуст, сейчас в нем никто не живет. Население покинуло его в начале 1960-х годов, переехав в Лопхари — новый, благоустроенный поселок со школой-интернатом, магазином, отделением связи. Лишь летом здесь на берегу протоки живут лопхарские рыбаки.

Из восьми домов три уже почти полностью развалились: рухнула кровля, сгнили венцы срубов. Остальные дома еще крепкие, в них зимой останавливаются охотники. Интересны традиционная планировка поселения, народная архитектура, интерьер дома. Но меня особенно интересуют чердаки домов: именно там можно найти немало интересного. Уже много лет я изучаю религиозные представления хантов, в том числе их

представления о душе. В этом мне помогают находки изображений «вместилищ души-имени». Здешние ханты называют их *иттарма*.

У хантов и манси представления о душе были весьма своеобразны. Они считали, что у мужчины пять душ, а у женщины четыре¹. При этом одна из душ после смерти человека может воплотиться в новорожденного, но не сразу, а по истечении определенного срока: через пять лет, если умер мужчина, через четыре года, если это душа женщины. Такого новорожденного отождествляли с умершим и давали ему имя умершего. Но считалось, что душа, отождествленная с именем, сможет воплотиться в новорожденного родственника покойного только при условии соблюдения всех погребальных и поминальных обрядов². Один из этих обрядов — изготовление «вместилища души», в котором, по поверьям хантов, живет реинкарнирующаяся душа в течение четырех или пяти лет. Весь этот срок родственники хранят иттарму в ящичке, сундучке или берестяной коробке. Затем судьба иттармы у разных групп хантов и манси была различной: у одних ее уносили в лес и там закапывали, у других бросали в надгробное сооружение, у третьих сжигали. Куноватские ханты относили сундучки с иттармами на чердаки, где они истлевали. Вот эти-то иттармы я и надеюсь найти в Шишингах.

Наш лагерь стоит у протоки, около остова чума летнего селения. Рядом — полуразвалившийся дощатый амбар. Свои «археологические изыскания» мы начали с него. Нам, взрослым, трудно пролезть среди покосившихся балок, и тут нам на помощь приходят наши добровольные помощники — местный подросток Витя и мой сын Сергей. Наши поиски приносят успех: между досками пола амбара ребята быстро находят скопление костей и черепов животных, среди них тазовая кость лося, завернутая в красную тряпку с монетой в уголке. Тут же и принадлежности медвежьего культа — часть морды медведя, четыре лапы, отрезанные от шкуры, котел для варки медвежьего мяса, корыто и ложка для ритуальной трапезы. Находки свидетельствуют о пережитках тотемистических представлений, промыслового культа и связанных с ними обрядов³.

Затем мы отправляемся в Зимние Шишинги. Лезем на чердак дома, расположенного направо от тропинки, ведущей в селение из Летних Шишингов. Ребята самозабвенно ползают среди балок, собирая монеты и платки, маленькую одежду, специально сшитую для иттармы. Вскоре мы находим целых четыре иттармы. Они похожи на детских кукол, но крупнее — 15—20 см в высоту; кроме того, у двух в отличие от хантских кукол, не имеющих лица, в отверстие, выдолбленное в деревянной основе-бюсте, вставлена монета, имитирующая лицо. Это уже вместилище души: обозначить лицо, по представлениям хантов, значит сделать изображение живым, имеющим душу. Две иттармы почти одинаковы, только одна в малице — мужская, другая в шубе — женская. Очевидно, их делал один и тот же человек и изображают они супругов. Похожие иттармы я уже находила здесь раньше (рис. 1, 1, 3). А вот на Сыне они другие — литые из металла (рис. 1, 4, 6—8) или деревянные (рис. 1, 2). У других иттарм нет ни остова, ни головы. Они сделаны из маленькой одежды, вместо головы — капюшон малицы или платок, высовывающийся из шубы. Это уже отступление от традиции.

В обвале кровли одного из домов находим развалившуюся берестяную коробку, тоже с остатками иттармы. Одежда на ней уже истлела, но основа сохранилась. Она довольно необычна для этих мест: из жести вырезана человеческая фигурка; лицо по-прежнему изображает старин-

¹ См. подробнее: В. Н. Чернецов, Представления о душе у обских угров, «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. LI, М., 1959.

² З. П. Соколова, Новые данные о погребальном обряде северных хантов, «Полевые исследования Института этнографии 1974», М., 1975.

³ З. П. Соколова, Культ животных в религиях, М., 1972, стр. 43—63, 73—79.

Рис. 1. Иттармы, найденные в Ш... и в районе Сыня

ная серебряная монета (рис. 1. 5). Вместе с иттармой в коробке лежат сережка, детская игрушка — деревянная чашечка, какая-то металлическая коробочка, вся заржавленная, с лоскутками внутри. Это подарки иттарме, сделанные родственниками умершего в то время, когда она хранилась в доме.

В другом доме на чердаке обнаруживаем на полу связку платков и лоскутков ткани, три самодельных платка с бахромой, семь квадратных кусков ткани, по-видимому, жертвенных платков. Еще пять лоскутков ткани разных размеров связаны вместе полоской материи. В уголках платков и кусков ткани завернуты монеты. 12 монет выпущены между 1850 и 1905 гг., а две выпуска 1937 г. Тут же находим белый короткий халат, очевидно маскировочный, охотничий, на нем следы крови жертвенного животного. Но самое интересное — завернутое в кусок шелковой ленты зооморфное изображение. Оно сделано из олова, похоже на лягушку, особенно голова, но сильно стилизовано. На брюшке видны поперечные полосы, чуть намечены лапки (рис. 2, 1). На иттарму это не похоже — на ней нет одежды. На иттарме всегда надета зимняя одежда. Но следов иттармы нигде на чердаке нет. Неужели это изображение духа-покровителя?

Ребята лезут на чердак дома, кровля которого вот-вот обрушится. Как ящерицы, они пролезают между обвалившимися балками и выбрасывают в чердачное окно вниз ко мне все находки. Это 13 самодельных, сшитых из ткани и отороченных бахромой платков, 11 квадратных кусков ткани разных цветов в форме платков, мужская рубаша традиционного покроя. В уголках платков и кусков ткани завязаны монеты разных лет, выпущенные с 1863 до 1962 г., всего 21 монета. К уголкам платков также привязаны бубенчики, цепочки, низка бисера. На них, как и на кусках ткани, видны следы крови жертвенных животных.

— Тут еще большой сундук есть! — кричит Сергей. — Старинный, окован железом.

— Посмотри, что в нем.

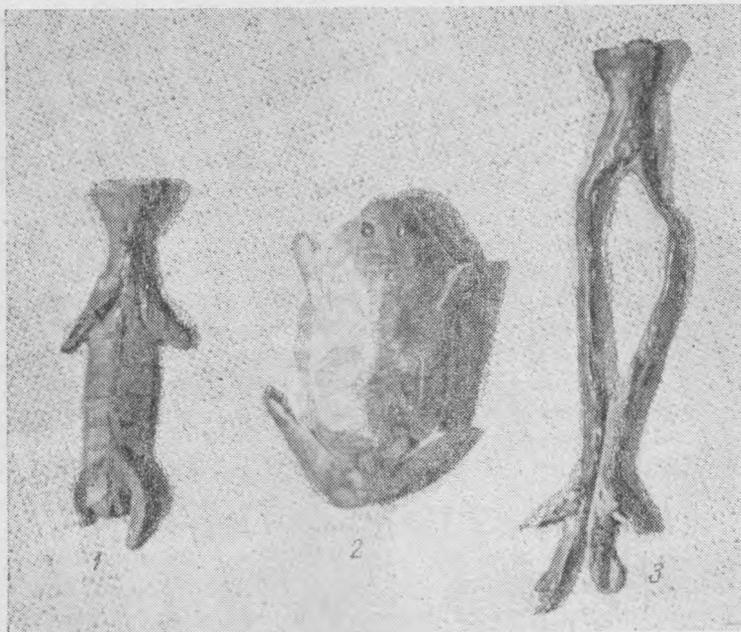

Рис. 2. Изображения лягушек, найденные в Шишингах

— Пустой, только несколько монет.

Очевидно, когда-то в нем хранились все эти платки и какое-то изображение, может быть иттарма.

— Ищите иттарму,— говорю я.

В песке, которым засыпан пол чердака, ребята находят черепа и кости животных, кусок шкуры лося, копыто жеребенка, лапу цапли и снова тазовую кость лося, завернутую в зеленую тряпку с монетой выпуска 1961 г. в уголке. Тут же они обнаруживают ленту с перстеньком, низку бус, вырезанных из осетрового хребта, палочку с зарубками. Скорее всего, это *шумланг-юх* — палочка, на которой отсчитывают дни траура. А никакого изображения нет. Я снова прошу ребят быть повнимательнее. И вот зоркие глаза Вити высматривают под балкой сверточек из розовой ленточки.

— Лягушка,— кричит он.— Настоящая!

Лягушка из свинца действительно не имеет никаких антропоморфных черт (рис. 2, 2). Значит, это все-таки изображение не «вместилища души», а духа-покровителя. О зооморфных духах у хантов и манси — обских угров сообщал в начале XVIII в. ученый монах Григорий Новицкий: «Иные из них поклоняхуся кумиру по подобию зверину наипаче медведя, иначе же в подобие птиц: лебедя, гуся и всяк своему пристрастию»⁴. В литературе XIX — начала XX в. приводятся также сведения о том, что изображения духов делали из дерева, металла и хранили в священных местах или в сундуках в переднем углу дома. Однако увидеть такие изображения мало кому удавалось⁵.

Третью лягушку мы находим в доме с обвалившейся кровлей. Она несколько иная, с длинными лапами, напоминающая полузооморфную имитацию «вместилища души» умершего (рис. 2, 3). Лягушка тоже завернута в кусочек ткани. Но в развале дома мы находим еще и неболь-

⁴ Г. Новицкий, Краткое описание о народе остячком, СПб., 1884, стр. 47.

⁵ В. Чернецов, Жертвоприношение у вогулов, «Этнограф-исследователь», Л., 1927, № 1, стр. 22.

шой сундучок фабричной работы, завернутый в кусок красного сукна, три больших фабричных платка, обшитых самодельной бахромой, кусок белой ткани, семь маленьких (вотивных) платков с бахромой. В уголке одного из них завязаны серебряные монеты достоинством в 10 копеек выпуска 1893 и 1903 г. и медная бляшка. Рядом лежат три небольших платья, маленькое одеяние типа малицы из черной ткани, обшитое малиновым сукном по вороту, подолу и краям рукавов. Еще одну находку делаем около обвалившейся балки. Это маленькая одежда, причем детали костюма надеты друг на друга: белая рубашка, поверх два коричневых халата с цветным узором, четыре белых халата (у верхнего ворот обшит красным сукном), истлевшая от времени малица из оленьего меха и поверх нее красная маличная рубашка, обшитая белой тканью по подолу и вороту. Одежда очень похожа на ту, что шьют для иттармы, но самого изображения «вместилища души» умершего мы так и не нашли. А не является ли само изображение лягушки иттармой? Ведь получила же я в прошлый экспедиционный сезон информацию от одной из жительниц пос. Лопхари о том, что в прошлом некоторые местные жители почитали лиственницу и делали свои иттармы из металла в форме этого дерева.

В. Н. Чернецов, исследуя так называемые «клады поделок плоского литья», найденные на Урале и в Западной Сибири, считал, что это священные хранилища изображений предков генеалогических групп обских угров — волка, бобра, птицы, лося, воина и пр., являющихся одновременно вместилищами реинкарнирующихся душ данной генеалогической группы⁶. Между прочим, одна из иттарм, найденная нами на Сыне в 1971 г., тоже была зооморфной (рис. 1, б). Находка лягушки-иттармы может свидетельствовать о связи между изображениями духов-предков, а также духов-покровителей отдельных групп и семей с изображениями «вместилищ душ» умерших.

Окончив работу в Шишингах, мы возвращаемся в Лопхари. «Археологический метод» изучения содержимого чердаков предстоит увязать с этнографическими методами работы — наблюдением и опросом информаторов. Поселок Лопхари возник в послевоенное время. Он стоит на высоком мысу коренной террасы, недалеко от устья Куновата. Нижнее течение р. Куноват протекает по низкой пойме, залитой водой: это и есть Большой Куноватский сор, на берегу которого находятся Лопхари. Сейчас в поселке живет много семей, переехавших сюда не только из Шишингов, но и из поселков по самой р. Куноват, а также из Летних Лопхарей. Летние Лопхари видны из селения, они расположены в самом устье реки. Здесь летом рыбаки сооружают большой забор и ловят рыбу. Раньше они жили здесь постоянно, теперь — только с июля по сентябрь-октябрь, когда ловится сырок.

В Лопхарях у меня несколько хороших информаторов. Оказалось, что одна из них, Люба, раньше жила с родителями в Шишингах, как раз в том доме, где мы нашли вторую лягушку. Рассказываю ей о нашей находке. Она говорит:

— Это бабушкина лягушка. После ее смерти сундук с лягушкой и пожертвованными ей платками — по-хантыйски это все называется *лук* — папа отнес на чердак.

— Лук — это лягушка или сундук, где она хранится?

— Нет, это все так называется: сундук или узел из платков с лягушкой и приношениями ей.

— Какое значение имело это изображение лягушки?

— Лягушка — *асявем-ими* (тетка-женщина) считалась у куноватских хантов священной. Ее нельзя было убивать или приносить ей вред.

⁶ В. Н. Чернецов, Наскальные изображения Урала, «Свод археологических источников», вып. В4—12 (2). М., 1971, стр. 80.

Если кто-либо нечаянно наступал на лягушку или убивал ее, надо было выдолбить в куске дерева ее форму, залить свинцом и, завернув в тряпочку готовую фигурку, положить ее в лух. Точно так же почитали здесь ящерицу.

— У всех ли были такие изображения лягушки?

— В каждой семье был свой лух⁷ — семейные или домашние святыни.

От Любы мы узнаем, что в лух входили изображения духов-покровителей, хранившиеся вместе с пожертвованиями в сундучке, ящике или просто в узелке из жертвенных платков в переднем углу дома, на полке. Но изображения могли быть разными. У одних лягушки, у других ящерицы. Среди этих изображений могли быть и иттармы — изображения «вместилищ душ» умерших шаманов и уважаемых стариков. Пока иттарма хранилась на любимом месте умершего в доме, а не в лухе, для нее время от времени шили маленькую одежду, подносили ей маленькие и большие платки или куски ткани (те и другие с завязанными в уголках монетами), шкурки зверей, предметы быта и орудия труда (например, иглы для вязки сетей), посуду, папиросы, спички, вино. Затем все эти вещи переходили с иттармой на чердак дома или же в лух. Изображениям духов-покровителей, например той же лягушке, подносили платки по разным случаям: после рождения ребенка, чтобы обеспечить ему здоровье и благополучие, а также для благосостояния семьи, сохранения оленей и т. п. В таких случаях жертвовали только новые платки и куски ткани с завязанными в уголках монетами. Из сундучка можно было взять платок и носить его, но взамен надо было положить что-то другое. Когда во время похорон, поминок убивали оленя, его кровью смазывали платки, лежащие сверху. Если дух был покровителем всей семьи, его хранили из поколения в поколение.

— А лягушка бабушки была ее личным духом-покровителем? — спрашиваю я у Любы.

— Да. Такие изображения тоже хранились в переднем углу, но отдельно. После смерти члена семьи, хранившего такой лух, святыню относили на чердак дома и оставляли там, пока она не истлевала.

По-видимому, лягушка в начале нашего столетия была семейным или домашним духом-покровителем у отдельных групп хантов. Изображения таких духов бывают разных форм и типов. Первая категория представлена изображениями «вместилищ душ» умерших — особо уважаемых стариков и шаманов.

Вторая категория изображений домашних или семейных духов — необычной формы предметы, камни, палочки, археологические находки. Очевидно, о таких «домовых идолах» северных хантов и манси писал Н. Л. Гондатти в конце XIX в. Он упоминает о «необделанных палочках, обернутых шкурами или платками»⁸. Скорее всего, именно таким домашним духом был каменный неолитический топор, «одетый» в специально сшитые рубашки и хранившийся манси Дунаевыми в сел. Локтокурт на Оби в берестяной коробке (описан Н. Н. Гревенс)⁹.

Третья категория — антропоморфные идолы, вырезанные из дерева и одетые в сшитую для них одежду. Они описаны, в частности, М. А. Кастреном¹⁰.

Четвертая категория — зооморфные изображения, в том числе и изображения лягушки.

⁷ Ср. *лонг* (*лонг*) у северных хантов; лонги — семейные и частные (личные) духи у северных хантов в отличие от *йиллянь* (общественных). См. М. А. Кастрен. Путешествие... по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849), «Собрание старых и новых путешествий», ч. II, М., 1860, стр. 186.

⁸ Н. Л. Гондатти, Следы язычества у народов северо-западной Сибири, М., 1888, стр. 16.

⁹ Н. Н. Гревенс, Культовые предметы хантов, «Ежегодник музея истории религии и атеизма», IV, Л., 1960.

¹⁰ М. А. Кастрен, Указ. раб., стр. 186.

...Я сижу в гостях у моей старой, еще с 1962 г. знакомой — Марии. Меня очень интересует содержимое нескольких набольших чемоданов, лежащих на столике и полочке в переднем углу дома. Чемодан теперь нередко заменяет сундучок в лухе. Мы беседуем о том, о сем, но постепенно я завожу разговор на эту тему. Мария смеется. Ханты и манси очень неохотно показывают своих семейных духов даже односельчанам. Это очень интимная сфера. К тому же религиозные представления и обряды все больше уходят в прошлое, и те, кто их придерживается, стыдятся признаться в этом. Но с Марией у нас давнее и прочное знакомство, она мне доверяет. Она говорит, что в чемоданах у нее хранятся иттарма и лягушка. Вот это удача! Я уговариваю ее показать мне их.

— Ладно, — говорит она. — Только фотографировать нельзя.

В одном из чемоданов иттарма жены ее брата. Она сделана из специально сшитой маленькой зимней одежды и платка. Тут же в чемодане лежат спички, папиросы, печенье, конфеты. Еле сдерживая нетерпение, я рассматриваю все это и задаю Марии вопросы... Ее ответы подтверждают мои прежние материалы об изображениях «вместилищ душ» умерших. Я не впервые вижу иттарму, хранящуюся в доме. Гораздо интереснее для меня посмотреть изображения лягушки. Вдруг Мария раздумает и не покажет мне его! Но вот она открывает второй чемодан и вынимает «лягушку». Она совсем иная, чем те, которые мы нашли в Шисингах, и очень похожа на иттарму, только больше размером, 25—30 см в высоту. Несколько маленьких платьев надето друг на друга, а поверх них — красивое суконное женское одеяние *нуй-сах*, орнаментированное узорами и полосками цветного сукна. Голову имитирует платок, высовывающийся из одежды; на грудь спускаются бисерное украшение *сак-паль* и бисерные бусы. В чемодане много подарков «лягушке»; тут и специально сшитая для нее обувь (две пары низких сапожек, обшитых бисером), платья, покупные детские носочки и чулочки, рукавички, перчатки (все новое), детская посуда, серьги, елочные игрушки, куски ткани с завязанными в уголках монетами.

— Когда ты сделала лягушку? Почему? — спрашиваю я Марию.

— Однажды я шила и вдруг мне послышалось кваканье лягушки — я и решила, что надо сделать ее.

— А почему ты сделала ее такой — из одежды?

— А я не знала, как делают лягушку, никогда не видела, как делают, вот и надумала так...

Я знаю, что Мария — сирота, росла в чужом доме.

Почему мне так интересны эти находки? Отчасти потому, что я впервые вижу изображения личных и семейных духов-покровителей. Но главное не это. Лягушку почитали и другие группы хантов и манси. Вспоминаю эти материалы. Культ лягушки-родоначальницы генеалогической группы *нарас-махум* («болотный народ») — известен у манси Северной Сосьвы (Хангласам-пауль). Здесь лягушку называли *Нарас-най* («Болотная Великая женщина») или *Лус-Хальэква* («Между кочками живущая женщина»). Ее имя табуировалось, о ней можно было говорить только иносказательно. Изображение лягушки, которая считалась предком данной группы, в рост человека хранилось в священном амбаре и почиталось жителями всего селения. Изображение лягушки — излюбленный элемент орнамента манси этой группы (на одежде, сумочках и т. д.)¹¹. Другие манси, также считавшие своим предком лягушку, жили

¹¹ В. Н. Чернецов, К истории родового строя у обских угров, «Сов. этнография», 1947, т. IV—VII, стр. 163, рис. 2, табл. 5, 3, 4; его же, Древняя история Нижнего Приобья, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), 1953; стр. 62, 70; его же, Наскальные изображения Урала, стр. 35, 36; З. П. Соколова, Пережитки религиозных верований у обских угров, «Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века», «Сборник Музея антропологии и этнографии» (далее «Сб. МАЭ»), вып. XXVII, Л., 1971, стр. 216.

в юртах Тоболдинских на Северной Сосьве¹² и Оби (в трех селениях)¹³.

Интересны находки изображений лягушки, описанные В. Н. Чернецовым¹⁴, которые в настоящее время хранятся в МАЭ. В. Н. Чернецов считает, что они ранее были в каком-то хантыйском святилище. Затем эти изображения попали в Ханты-Мансийский музей, где хранились без паспорта¹⁵. В МАЭ сейчас имеется восемь фигурок. Все изображения антропоморфны, но имеют две характерные черты: косые поперечные полоски на животе (как на рис. 1,1) и по три луча-рога на голове. Несмотря на большое сходство, все они вылиты в разных формах. В. Н. Чернецов называет их *сопр-ойка* («лягушка-старик») и *сопр-нэ* («лягушка-старуха»). В описи МАЭ они названы *сопр-ике* («лягушка-старик») ¹⁶. В. Н. Чернецов показал эти изображения лягушки хантам. К. Маремьянин (сел. Лохтет-курт на Оби, выше Березова) узнал в них тотем сел. Халапант. Хант Зенцов рассказал, что образ лягушки принимали «помощники *Сатум тий ике*» («Старика вершины Салыма»).

Антропоморфизированное изображение лягушки с лучами на голове известно из клада с жертвенного места Северного Приуралья (реки Унья и Соплес)¹⁷. Как мы уже отмечали, В. Н. Чернецов считал подобные клады «хранилищами вместилищ душ умерших», принадлежащими отдельным генеалогическим группам¹⁸.

Литая фигурка лягушки с маленькой круглой головкой и ярко выраженными перепончатыми лапками с р. Северная Сосьва хранится в фондах финского Национального музея в Хельсинки¹⁹.

Любопытные материалы приводит Г. И. Пелих²⁰. Она обнаружила несколько изображений лягушки у обских хантов Александровского района Томской области. Фигурки лягушки оловянные, стилизованные; одна из них одета в специально сшитую одежду. Их хранили в берестяных туесах и «кормили» сушеной рыбой. Считалось, что лягушки помогают в рыболовстве. У этой же группы существовал обычай вышивать бисером изображение лягушки на платке, игравшем охранительную роль во время родов. Духа-покровителя той же группы хантов, так называемую «шайтанскую мать», также представляли в виде лягушки. Ее изображение держали на священном месте, приносили ему жертвы, перед ним «заклучался мир между врагами». Лягушку изображали на наличниках окон для защиты дома от злых духов.

Полевые материалы Н. В. Лукиной показывают, что происхождение фамилии Микуминых (обские ханты), у которых Г. И. Пелих видела изображение лягушки, связывается с термином *мюх-няй* (кочки). Легенда рассказывает, что одна из женщин, от брака которой с богатырем произошли Микумины, когда-то жила «между кочками». Согласно данным Н. В. Лукиной, лягушку у ваховских и васюганских хантов называют

¹² Н. Н. Харузин, «Медвежья присяга» и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов, «Этнографическое обозрение», кн. XXXVIII, № 3—4, СПб., 1898, стр. 54.

¹³ В. Н. Чернецов, Фратриальное устройство обско-югорского общества, «Сов. этнография», 1939, т. II, стр. 23.

¹⁴ В. Н. Чернецов, Усть-полуйское время в Приобье, МИА, 1953, № 35, стр. 222; фонд МАЭ, колл. 5531-1-8.

¹⁵ Фонд МАЭ, колл. 5531-1-8.

¹⁶ В. Н. Чернецов дает мансийское название изображений, в описи МАЭ приведен хантыйский термин.

¹⁷ В. Н. Чернецов, Усть-полуйское время в Приобье, стр. 222; А. А. Сплицын, Шаманские изображения «Записки Русского археологического о-ва», VIII, 1906, стр. 135, рис. 424.

¹⁸ В. Н. Чернецов, Наскальные изображения Урала.

¹⁹ «Suomen Kansallismuseo», коллекция А. Каннисто. 1905—1906 гг., № 4810—173.

²⁰ Г. И. Пелих, Происхождение селькупов, Томск, 1972, стр. 273, 274, рис. XXXII, 16, 20, XVIII, 8.

савар-кы, сапыр-кы. У них лягушка играет определенную роль в свадебном обряде²¹.

На Васюгане Г. И. Пелих записала хантыйскую легенду, в которой происхождение людей связывается со старухой, ставшей лягушкой. Исследовательница упоминает также о стилизованных изображениях лягушки с лучами на голове, которые она неоднократно видела на территории Нарымского края²².

И наконец, следует упомянуть статью Л. Е. Луговского²³, в которой он приводит легенду о лягушке. Легенда относится к хантыйскому идолу-камню, по форме напоминающему голову лягушки.

С лягушкой мне везет: возвращаясь домой, в Салехарде я случайно встречаю свою знакомую с Сыни Зину. Она вышла замуж и уехала из Овгорта сюда к мужу. В свое время она мне рассказывала много интересного о религиозных представлениях и обрядах. Я говорю Зине о наших находках и задаю ей вопрос о лягушке. Она оживает:

— А как же, сынские ханты тоже почитали лягушку, ее изображение также хранили в лухе. Лягушку у нас называют *Мис-нэ* (женщина Мис) или *Мисы-кут-нэ* (женщина Мис, живущая среди кочек). В одних семьях она была главным из духов-покровителей, в других почиталась только одним членом семьи. У каждого члена семьи были свои духи-покровители, а также общий семейный, главный.

Итак, Северное Приуралье. Северная Сосьва, Сыня, Куноват, Обь — Иртышь, Салым, Средняя Обь. Васюган — такова территория, где мы встречаемся с почитанием лягушки. Поразительны совпадения в обычаях, связанных с лягушкой, на такой обширной территории. А если обратиться к более отдаленным регионам, то и там можно встретить следы этого культа. Так, изображения лягушки часто встречаются на бубнах хакасов, бельтир, сагайцев и качинцев²⁴. Лягушка как прародительница родов почиталась у индейцев Северной Америки — тлинкитов и квакиютлей²⁵.

В. Н. Чернецов считал, что группа, оставившая изображения лягушки в Северном Приуралье, пришла сюда с притока Оби — Салыма²⁶. Широкое распространение культа лягушки в Западной Сибири, среди разных групп хантов и манси, связь его с фратрией Мось убеждают нас, во-первых, в большой древности этого культа и, во-вторых, в возможности его бытования в каждом из перечисленных мест вне зависимости от дробления и миграций генеалогических тотемных групп, на основе существования общего для них более древнего культа предка фратрии Мось — лягушки²⁷.

Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. была очень своеобразной. У них почти не прослеживается деление на племена и не было родовых делений, но довольно четко, особенно у северных групп, в религиозной сфере и брачных отношениях выступало деление

²¹ Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность Н. В. Лукиной за возможность ознакомиться с ее полевыми материалами, хранящимися в фонде Проблемной лаборатории по истории, археологии и этнографии Томского государственного университета.

²² Г. И. Пелих. Указ. раб., стр. 282, 283.

²³ Л. Е. Луговской. Легенда, связанная с двумя остяцкими идолами, «Ежегодник Тобольского губернского музея», вып. II, Тобольск, 1895.

²⁴ С. В. Иванов. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья, «Сб. МАЭ», вып. XVI, М.—Л., 1955, стр. 182—212.

²⁵ Ю. П. Аверкиева. К истории общественного строя у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки, ТИЭ, т. LVIII, М., 1960, стр. 33, 36, 97; е е же, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки, ТИЭ, т. LXX, М., 1961, стр. 21, 63.

²⁶ В. Н. Чернецов, Усть-полуйское время в Приобье, стр. 223.

²⁷ В. Н. Чернецов, Вогульские сказки, Л., 1935, стр. 16, прим. I; И. И. Авдеев, Песни народа манси, Омск, 1936, стр. 7.

их на две дуальные половины, или фратрии *Пор* и *Мось*²⁸. Термин *Мось* известен лишь у северных групп обских угров, название *Пор* в разных вариантах отмечено шире — у восточных хантов, селькупов, ненцев, даже удмуртов. Восточные и южные группы хантов раньше северных утратили многие черты традиционной культуры XVIII—XIX вв., в том числе и деление на две дуальные половины. Это, а также отсутствие у них термина *Мось* привело некоторых исследователей к неправильной, на мой взгляд, мысли о том, что деление на две фратрии — своеобразная и поздняя черта лишь северных хантов и смешавшихся с ними манси²⁹.

В пользу того, что культ лягушки раньше имел фратриальный характер, можно привести несколько соображений. В частности, это сходство в терминологии, относящейся к лягушке и персонажу фратрии *Мось* — *Мис-нэ* — мифическому предку фратрии *Мось*. А между тем и жители пос. Шишинги (в прошлом это Жижимховы юрты Куноватской волости) и Лонгортовы с Сыни, почитавшие лягушку, принадлежали к фратрии *Мось*³⁰. *Мир-сусне-хум* — младший сын Нуми-Торума, верховного существа, по поверьям обских угров, тоже был одним из предков фратрии *Мось*. Любопытно в связи с этим упоминание Н. Н. Харузиным легенды сосвинских манси, в которой говорится, что один из сыновей Нуми-Торума имел облик лягушки³¹.

По-видимому, в прошлом это был фратриальный культ, ставший впоследствии культом генеалогических групп, принадлежавших к фратрии *Мось*. На стадии культа предков генеалогических групп изображение лягушки стало играть, вероятно, роль «вместилища души-имени», отсюда впоследствии и особая роль, которую придавали ханты изображению лягушки или самой лягушке при родах и в свадебном обряде. Уже в конце XIX — начале XX в этот культ стал семейным или домашним, а в некоторых случаях и личным, о чем свидетельствуют куноватские материалы. Примечательна и связь культа лягушки с промысловым культом, о чем говорят данные со Средней Оби (Г. И. Пелих) и куноватские материалы (например, охотничий халат, «пожертвованный лягушке»). Соединение в одном образе духа-предка и духа, покровительствующего промыслу, неудивительно: для хантов и манси характерна тесная связь промыслового культа и культа духов-покровителей генеалогической группы, семьи.

Но это еще не все. Как объяснить сходство в терминологии, относящейся к лягушке, предку фратрии *Мось*, и древним этнонимом угров? В самом деле, нельзя не отметить сходства терминов *сопр-ойка*, *савар-кы*, *сапыр-кы* с древними этническими самоназваниями угров — *сипыр*, *супра*, *сепыр*, *супыр* (манс.), *себар*, *сопра*, *шабер* (хант.) В то же время *Сипыр* (Сепар, Шапыр, Шабыр) — имя прародительницы фратрии *Мось*³².

Проблема происхождения обских угров давно привлекает внимание ученых финно-угроведов. Она тесно связана с вопросом происхождения угров в целом и западных угров — венгров, переселившихся в середине I тысячелетия н. э. на Дунай, в частности. Как хорошо показал в своих работах В. Н. Чернецов, в культуре обских угров четко прослеживаются два пласта³³. С одной стороны, это культура северных народов, таеж-

²⁸ «Общественный строй у народов Северной Сибири», М., 1970, гл. IV.

²⁹ В. Г. Б а б а к о в, Территориально-племенные общности обских угров и нарымских селькупов (XVII—XIX вв.), Автореф. канд. дис., М., 1973, стр. 19, 20.

³⁰ По данным браков конца XVIII—XIX вв. См. Гос. архив Тюменской области (Тобольск), фонд Духовной консистории, № 156, оп. 20, связки 459—467, 472.

³¹ Н. Н. Харузин, Указ. раб., стр. 55, 56.

³² В. Н. Чернецов, Усть-полуйское время в Приобье, стр. 238, 239.

³³ В. Н. Чернецов, Очерк этногенеза обских угров, «Краткие сообщения Ин-та материальной культуры», IX, 1941.

ных охотников и рыболовов, тесно связанных своим происхождением с аборигенным, так называемым уральским населением, которое легло в основу формирования не только хантов, манси и других финно-угорских народов, но и народов самодийской языковой группы — ненцев, селькупов, энцев и др. С другой стороны, в их культуре мы наблюдаем немало южных черт: большое значение лошади в фольклоре и культуре этих неконеводческих в недавнем прошлом народов, косы в мужской прическе — чисто кочевническая черта, ритуальные танцы с саблями или мечами, аналогии которым мы находим лишь у южных народов, широкое распространение орнаментальных мотивов, восходящих к типам орнаментов южных степных андроновских культур II тысячелетия до н. э., типы распахнутой одежды, по покрою аналогичные одежде южных народов, и т. п.

В. Н. Чернецов выдвинул гипотезу о том, что угрозычное кочевое степное население в конце I тысячелетия до н. э. двинулось на север Западной Сибири и смешалось с аборигенным таежным населением, дав ему свой язык и некоторые черты культуры. В целом эта гипотеза ни у кого не вызывает возражений, споры идут лишь о том, где и когда жили угры-кочевники: в Южном Приуралье или Зауралье, в степях и лесостепях Западной Сибири, на Верхней Оби. В. Н. Чернецов считал, что угры-савыры (по его мнению, это был их этноним) жили в степном и лесостепном Прииртышье, откуда и ушли частично на север, где смешались с аборигенным населением, а частично на запад, где в дальнейшем сформировались древневенгерские, или мадьярские, племена. Он высказал мнение, что термины *мось-мис* (духи, родственные фратрии Мось) — *манси* — *мадьяр* происходят от одного корня³⁴.

Известный немецкий исследователь В. Штейниц в 1930-х годах работал на Нижней Оби среди хантов и вслед за В. Н. Чернецовым обратил внимание на их дуальное деление. Он выдвинул гипотезу о том, что деление хантов и манси на фратрии Пор и Мось возникло в процессе смещения аборигенного и пришлого угорского населения: основу фратрии Пор составило аборигенное население, фратрии Мось — пришлое из степей кочевое угорское население³⁵.

В пользу этого, как мне представляется, свидетельствует сходство в терминологии, относящейся к древним этнонимам угров, имени прародительницы фратрии Мось и названию лягушки у отдельных групп хантов. Манси Петр Шешкин рассказывал мне, что *порне-махум* — люди Пор — наиболее древнее население Зауралья, так говорят его многочисленные фольклорные записи. Однако следует учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, лягушка — житель болот, а не степей, поэтому естественно предположить, что культ ее возник не в степях, где жили угры-кочевники, а в таежно-болотистых районах Западной Сибири, где проживало аборигенное уральское население (*нарас-махум* — болотный народ). По всей видимости, в отличие от фратрии Пор, полностью автохтонной, фратрия Мось образовалась при слиянии местного «болотного народа» с пришлыми угорскими племенами.

Второе, на что следует обратить внимание, — это сходство в социальной организации народов Западной Сибири — обских угров, ненцев, селькупов, кетов. Еще Б. О. Долгих отметил, что в отличие от других народов Сибири эти народы до недавних пор сохраняли черты дуально-фратриальной системы. Он считал, что «генезис фратрий, образующих дуальное деление» народов Западной Сибири, различен. Но для всех этих народов он подчеркнул общее: значение «традиции древнего дуального деления». Он высказал мнение, что одну фратрию обдорских

³⁴ В. Н. Чернецов, Фратриальное устройство обско-югорского общества, стр. 22.

³⁵ W. Steinitz, Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien, «Ethnos», 1938, vol. 4—5, S. 137.

ненцев образовали потомки аборигенов Севера, другую — потомки пришельцев-оленоводов³⁶. Этой точки зрения придерживается и В. И. Васильев применительно к азиатским ненцам³⁷. Сходные взгляды на происхождение дуально-фратриальной системы у обских угров и ненцев высказывают В. Штейниц, Б. О. Долгих, В. И. Васильев. Вероятно, правомерно связывать изменения в социальной организации народа с особенностями его этнической истории. Формы социальной организации развиваются под влиянием внутренних законов развития общества, его производительных сил, но, по всей видимости, могут трансформироваться и в случаях смешения их носителей с населением, в социальном отношении более развитым.

Но если мы обратимся к другим народам Западной Сибири, сохранившим следы дуально-фратриального деления, — селькупам и кетам, то в глаза нам бросится еще одна общая черта, сближающая их с обскими уграми и ненцами: их формирование происходило также на основе смешения местного и пришлого с юга населения. Причем все больше исследователей приходит к выводу о том, что основу аборигенного населения составили уральцы, т. е. народы уральской языковой семьи.

Эти аналогии наводят на мысль о том, что дуально-фратриальное деление западносибирских народов, в том числе и обских угров, имеет глубокую и древнюю традицию, уходящую в прошлое уральских народов, а может быть (учитывая североамериканские параллели в дуально-фратриальной системе и гипотезы о заселении Америки из Азии), и более древних — палеосибирских. Под влиянием пришлых, южных племен дуально-фратриальная организация могла, с одной стороны, переформироваться, изменить терминологию, относящуюся к фратриям, с другой стороны — еще более утвердиться.

Вот к каким размышлениям привела меня находка изображений лягушки в маленьком селении на Оби.

---

³⁶ Б. О. Долгих, Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири, М., 1964, стр. 7, 8.

³⁷ «Общественный строй у народов Северной Сибири», М., 1970, стр. 185.